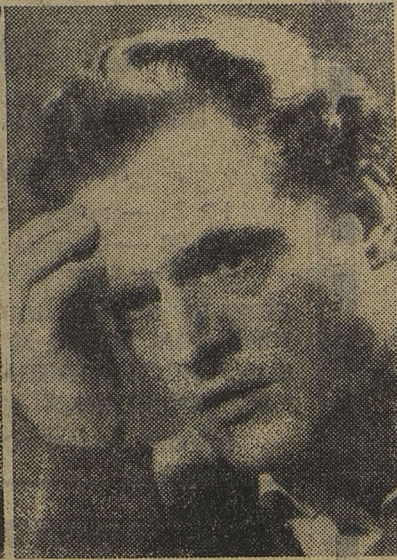

ТВОРЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ

«ТРУДНЫЙ» АКТЕР

Л. МАРКОВ в ролях: Арбенин («Маскарад»), Звягинцев («Они сражались за Родину»), Селищев («Затейник»).

Фото В. ПЕТРУСОВОЙ.

Ю. ЗАВАДСКИЙ, народный артист СССР

Иногда об актере говорят: «Ну, он, как воск,—из него что хотите можно сделать». Что это — похвала? Да, пожалуй, — в работе такой артист удобен — режиссер может лепить из него все, что хочет. Но, право же, разве податливость — достоинство художника? Отсутствие собственного «я» неизменно обедняет творчество; артист становится «исполнителем», тусклым передатчиком чужой воли. Нет, я за другого, инициативного и находчивого актера — пусть даже «трудного».

Леонид Марков появился в нашем театре сравнительно недавно, сыграл уже четыре роли. И сразу стали ясны самобытность его таланта, его отчетливая и незаурядная индивидуальность. Этот артист ничего не делает «по подсказке».

От своего учителя Ивана Николаевича Берсенева Марков получил ту закалку, те навыки, которые мы по старинке именуем «мхатовскими». Он многое умеет, и, как, впрочем, положено каждому хорошему актеру, границы его творческого диапазона установить трудно. К нам в театр Марков пришел с репутацией бытового, жанрового актера. Но не знаю, потому ли, что я повидал на своем веку много разных артистов, этот с первой же встречи показался мне более значительным. Художником, который может сказать куда больше, чем сказал до сих пор. Я подумал: «А не испытать ли его в Арбенине?».

Вспомню, что, прослышав о моем намерении, многие были поражены. Дескать, Марков — и трагический Арбенин — какая недепость!

Первой его работой в Театре имени Моссовета был образ Валентина Селищева в пьесе В. Ро-

зова «Затейник». Мы не любим такие роли. Они трудны и неблагодарны — образы плохих по существу людей, у которых, как подчас бывает в жизни, отрицательное и положительное сосуществует. И хотя плохое преобладает, с первого взгляда этого не разглядишь. Тем более, что Марков не пытается оправдывать своих отрицательных героев. Помните, как писал Пушкин о героях Шекспира: «...обстоятельства развивают перед зрителем их разнообразные и многосторонние характеры». Вот эту-то многосторонность живого существа и стремится вскрыть Марков, отыскивая в человеке — по собственной инициативе! — его «подспудные» свойства. В результате в облике преуспевающего мещанина Селищева актер сумел расширить понятие обывательщины, осовременить его, придать ему и психологическую, и временную конкретность. Образ был полнокровным, но... абсолютно земным. О прогнозах по поводу Маркова-трагика нечего было и думать. Драматургический материал не давал для этого никаких оснований ни мне, ни актеру.

Нет ничего трагического и в простом русском солдате Звягинцеве в спектакле «Они сражались за Родину» М. Шолохова. Для Маркова эта роль была, как говорится, «прямым попаданием». Что это — пример отличного перевоплощения? Или, может быть, полное совпадение характера персонажа с характером да, пожалуй, и с внешним обликом самого актера?

Я долго колебался. Арбенин — труднейшая роль классического

репертуара. Сможет ли Марков справиться с нею?

На эту роль мы уже пробовали многих. Но, к сожалению, даже самые талантливые из претендентов так или иначе копировали неповторимый образ, созданный первым исполнителем, Николаем Мордвиновым. Образ оставался заимствованным, теряя при этом свое величие и значительность.

Первое выступление Маркова в Арбенине не было похоже на ординарный «рабочий» ввод. Актеры-участники «Маскарада» почувствовали, что в том же парике и костюме на сцену выходит не двойник Мордвинова, а личность совсем иная: новый Арбенин потребовал и от них иного сценического поведения. Причем рисунок давно идущего спектакля актером отнюдь не нарушался. Мы увидели, что Марков обладает очень важным свойством: он ощущает свою роль как частицу целого, помнит о ее звучании в спектакле.

О достоинствах Арбенина—Маркова уже писали. Никак не сопоставляя двух исполнителей этой роли, я могу с радостью констатировать: состоялось рождение еще одного трагического актера. А это дорогого стоит! Марков, правда, несколько снижает патетику лермонтовского образа. Его Арбенин не столь изыскан, да и «демонического» в нем немного. Но его разрушительная сила в другом. Этот Арбенин показывает свою независимость от окружающего «странного» мира, свое пренебрежение к бездушным и мертвым «маскам». Он — человек. Мятущийся, раздираемый мучительными противоречиями и

страстями, но сильный, и потому — опасный «свету». Живые человеческие чувства утверждаются Марковым и в интонациях, с которыми он произносит чеканный лермонтовский стих, и в его свободных, широких жестах.

Интересно, что актер уже давно думал об этой роли. Он видел Арбенина молодым — только молодую душу могут так беспредельно захлестнуть эмоции.

Конечно, эта работа еще не кончена, грандиозность материала еще давит на актера. Но, зная марковское упорство и целеустремленность, я верю в будущее его Арбенина.

Несколько слов о последней, пожалуй, наиболее интересной работе Леонида Васильевича — о его Председателе в «Шторме». Мне нет нужды характеризовать ее — во всех недавних рецензиях на спектакль Маркову было посвящено немало лестных строк*.

Любопытно, что и эта роль создавалась актером «от обратного». Вместо того чтобы повторить знакомый образ положительного партийного руководителя, Марков и здесь постарался подобрать свой «ключ». У актера возник облик такого Председателя, который мудро руководит людьми, идя только от собственной интуиции. Он прежде никогда и никем не руководил — ему просто не приходилось этого делать. Но партия назначила Председателя — значит он должен полагаться на свое чутье большевика и гражданина.

С удивительной достоверностью и обаянием Марков рассказывает зрителю о служении народу своего героя. Должен отметить, что в этой работе все шло от самого актера — я целиком принял его решение роли.

Думается, что в образе Председателя, внешне спокойного, даже слегка вялого от усталости, полностью выявилось одно из самых главных свойств артиста Маркова — его внутренняя организованность, умение подчинить свой темперамент воле. А ведь кажется, что этот актер, как и его герои, сам охвачен стихиями — он из тех, кто никогда не успокаивается.

Каждая новая роль Маркова — новый творческий поиск. Может быть, сейчас еще рано говорить о главной внутренней теме этого артиста. Но я уверен — в его даровании еще раскроются новые грани. И Леонид Марков не раз, наверное, удивит нас неожиданным и свежим прочтением роли.

* К сожалению, этот интересный спектакль, посвященный 50-летию Октября, не участвовал в конкурсе «Вечерняя Москва». «Золотые и серебряные маски». Его премьера состоялась тогда, когда опрос зрителей был уже закончен. — РЕД.